

Железный занавес православия

На фоне сближения России с Европой резким контрастом выделяется новый кризис и без того плохих отношений РПЦ и католической церкви, вызванный решением Ватикана создать российские епархии и бурными протестами нашей церковной иерархии. Чем вызваны эти протесты и почему у русского православия такие плохие отношения именно с католиками?

На первый взгляд, никакими собственно религиозными соображениями столь бурная реакция не объяснима. При всех различиях православия и католицизма они неизмеримо меньше, чем, скажем, православия и мусульманства, или возрожденного в разных далеких регионах нашей страны шаманизма, или просто атеизма. Православие видит в католицизме церковь, в которой возможно спасение души, которое невозможно, например, для атеиста или буддиста. Между тем, согласно опросам в 1991-1999 годах не реже раза в месяц посещали церковь 6-7% русских (меньше, чем в любой другой стране Европы и, возможно, мира), а никогда не были в ней - 45%, причем роста регулярного посещения церкви за этот период не произошло. Принимали причастие меньше месяца назад в 1999 году 2% русских людей, мужчин - 0%, лиц до 30 лет - 1% (никогда не причащались или причащались когда-то в детстве - 70%). Для подавляющего большинства русских людей, таким образом, перспективы спасения души - более чем сомнительные, и если бы, например, еще 1-2% стали бы ходить в церкви, пусть и католические, это - хорошо, а не плохо, это - общее увеличение возможностей спасения русских душ. Борьба именно с католицизмом, а не с просто неверием (или исламом, или иудаизмом, или шаманизмом) кажется «нелогичной».

На самом деле она совершенно логична, только рассматривать ее надо в иной логике, не логике «спасения душ», а логике интересов церковной организации. Эти интересы направлены на то, чтобы при помощи государства максимально «монополизировать» русский религиозный «рынок» (не такой уж большой, ибо людей, готовых ходить в церковь - не только православную, но какую бы то ни было, не так уж много), и соответственно - не допускать на этот «рынок» конкурентов. И здесь наиболее опасный враг - не самый идейно далекий, а самый «конкурентоспособный». Ислам или иудаизм - неизмеримо дальше от православия, чем католицизм, но они не предпринимают серьезных усилий по обращению русских людей, и между ними и русскими - громадный культурный барьер. Наоборот, католицизм может привлечь относительно многих, прежде всего в очень важном слое - религиозно заинтересованной интеллигенции. Тот, кто идейно ближе, как конкурент может быть куда опасней, чем тот, кто дальше.

Это та же логика, которая в Средние века делала еретика и раскольника более ненавистным, чем иноверец, а в «новом средневековье» для коммунистов троцкиста - опаснее, чем православного или католика. Этой «средневековой» логике соответствуют и «средневековые» мораль и «иерархия ценностей». Это - мораль, в которой практически не действует основной моральный принцип: не делай другому того, что ты не хочешь, чтобы он делал тебе. По этой морали, если царский режим и потом Сталин уничтожают униатов и передают их церкви православным, это - ничего, но если затем вышедшие из подполья униаты забирают у православных свои церкви - это ужасно. Если Россия в свое время добилась церковной независимости от Константинополя и создала свое патриаршество - это замечательно, а если украинцы хотят добиться церковной независимости от России - это просто гнусность. То, что есть православные церкви в Японии или даже в Индонезии и их никто не трогает - прекрасно, а в России кришнаитов надо бы просто запретить. И это - иерархия ценностей, по которой страстные протесты вызывает не приватизационное ограбление, не нечестные выборы, не война в Чечне, а открытие католических епархий и страшная перспектива приезда папы в Россию.

Какое значение может иметь то, что общественная деятельность церкви подчинена такой логике и такой морали? На первый взгляд, небольшое. Реально верующие, «церковные» люди у нас - незначительное меньшинство, причем, несмотря на весь «религиозный бум» 90-х годов, в основном - это пожилые и чаще деревенские женщины (остатки традиционной сельской религиозности), общественной активностью не отличающиеся. Но влияние церкви определяется не числом верующих, оно - неизмеримо больше. Хотя падение советской власти и не привело к заметному увеличению числа прихожан, оно привело к тому, что для громадного большинства лишившихся ориентиров людей церковь стала символом моральной устойчивости и национальной идентичности. Большинство русских, даже атеистов, убеждены, что церковь - «учит добру» и «духовности» и что православие - неотъемлемая часть «русскости». И именно этой общей убежденностью и одновременно «удобством» для власти церкви, которая борется не с ее преступлениями, а с католиками и «сектами», и объясняется публичная религиозность наших властителей, плавно перешедших от посещения партсобраний к посещению церкви, и их готовность идти навстречу желаниям церковной иерархии.

Авторитет церкви - очень велик, и если бы патриарх или духовники президентов (вроде бы есть и такие) требовали от них покаяния за все, совершенное за последние 10 лет, или хотя бы - прекращения войны в Чечне, то их, конечно, просто бы выгнали и все лицензии на ввоз табака отняли бы, но страна была бы совсем иной и несколько лучше. Однако они требуют совсем другого. И страна - такая, какая есть.

Все взаимосвязано. Общество - единое целое. И церковь - его элемент. Мораль общества не может быть резко выше, чем мораль церкви, в которой оно видит свой духовный авторитет. Правовое, открытое общество и национальная церковь, озабоченная больше всего тем, чтобы «закрыть» страну в религиозном отношении, - несовместимы. Между стремлением «в Европу» и стремлениями церкви эту Европу в лице католицизма на пороге не пускать - противоречие, которое раньше или позже должно быть разрешено.

Теоретически можно представить себе, что церковь, в союзе с разными другими «патриотическими» силами «закроет» страну. Но даже если это возможно, то на очень ограниченный период, и судьба церкви в результате такой победы будет еще более печальной, чем судьба страны. Вообще, чем успешнее были в истории попытки закрыть общество, тем плачевнее участь тех, кто его закрывал. Царская Россия, где переход в иную веру был уголовно наказуем, была в религиозном отношении закрыта идеально, и именно это привело к катастрофе 1917 года. (Можно привести другой пример. Советская Россия была полностью закрыта для легального антимарксизма. В результате в постсоветской России есть все, что угодно, только марксизма -нет).

В конечном счете, несомненно, не церковь «закроет» общество, а развивающееся и становящееся все более открытым общество преобразует церковь, как это произошло уже много раз в разных странах и с разными церквями. Как это произошло с тем же католицизмом, который еще относительно недавно поддерживал разные фашистского типа режимы, вроде франкистского или салазаровского, «закрывавшие» свои страны от «вредных влияний», а в наше время стал одной из опор современных демократий. Но это - очень трудно и произойдет еще очень не скоро. И нормальной «европейской» страной мы тоже станем не скоро.